Н. А. Пастушкова
ORCID: 0000-0003-4131-2054
✉*past_nat@yahoo.com*
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва)

Из «Корбачо, или Осуждение мирской любви» А. Мартинеса де Толедо

Аннотация. В публикации приводится перевод отрывков из испанского дидактического сочинения XV в. «Корбачо, или Осуждение мирской любви» (1438) А. Мартинеса де Толедо, архипресвитера из Талаверы (1398–1468?). Автор выступает против защитников «куртуазной любви» и полемизирует с представителями кастильской придворной литературы, достигшей расцвета в XV в. Сочинение делится на четыре части, в которых осуждается безумная (плотская) любовь, описывается порочность женщин, представлено рассуждение о человеческой натуре и влиянии на нее «звезд, планет, рока, судьбы, удачи». Главным объектом нападок становится женщина, что позволяет отнести произведение к средневековой мизогинной литературе. М. де Толедо демонстрирует блестящую риторическую подготовку, мастерски владея «церковным красноречием», однако уникальность произведению придает именно совмещение ученого и разговорного, повседневного языка с простонародной лексикой. Умелое соединение этих двух стилевых регистров позволяет автору воссоздать «живой» язык, понятный широкому кругу читателей. Причем введение «народной» речи зачастую связано с включением коротких рассказов по типу средневекового «примера» (exemplum). М. де Толедо может считаться предшественником блестящей испанской прозы конца XV — XVI в. (от «Селестины» Ф. де Рохаса вплоть до «Дон Кихота» М. де Сервантеса). Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Ключевые слова: Мартинес де Толедо, куртуазная любовь, мизогиния, дидактическая литература, любовные трактаты, литература «примеров»

Для цитирования: *Пастушкова Н. А.* Из «Корбачо, или Осуждение мирской любви» А. Мартинеса де Толедо // Шаги/Steps. Т. 6. № 3. 2020. С. 286–298. DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-3-286-298.

Рецензия поступила в редакцию 20 марта 2020 г.
Принято к печати 4 апреля 2020 г.

© Н. А. ПАСТУШКОВА

N. A. Pastushkova
ORCID: 0000-0003-4131-2054
✉*past_nat@yahoo.com*
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow)

Fragments from *Corbacho, o Reprobacíon del amor mundano* by A. Martínez de Toledo

Abstract. This publication presents the translation into Russian of fragments from a 15th century Spanish didactic work, *Corbacho, o Reprobacíon del amor mundano* [Condemnation of human love] (1438) by A. Martínez de Toledo, Archpriest of Talavera (1398–1468?). The author attacks 'courtly love' and debates with the defenders of Castilian court literature, which reached its apogee in the 15th century. The work consists of four parts where the author condemns mad (earthly) love and criticizes women's viciousness; there is also a treatise concerning human nature and the influence on it of "stars, planets, fate, destiny, fortune". Because woman is the main object of criticism, this work may viewed as an example of medieval literature of misogyny. Martínez de Toledo demonstrates his brilliant rhetorical training, he is a master of "ecclesiastical eloquence", but what really makes this work unique is the combination of scholastic language and the vernacular, colloquial speech with its specific vocabulary. Skilled use of these two stylistic keys enables the author to reproduce a 'living' language, on that is understandable to a very wide audience. In the translated fragments below one can trace these language features. In many cases the use of "popular" language is associated with the introduction of short stories modelled on the medieval 'exempla'. Martínez de Toledo may be considered as a precursor of the splendid Spanish prose of the end of the 15th ("Celestina" by F. de Rojas) — 16th (including Cervantes' *Don Quijote*).

Keywords: Martínez de Toledo, courtly love, misogyny, didactic literature, medieval treatises of love, exempla

To cite this article: Pastushkova, N. A. (2020). Fragments from *Corbacho, o Reprobacíon del amor mundano* by A. Martínez de Toledo. *Shagi / Steps, 6*(3), 286–298. (In Russian). DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-3-286-298.

Received March 20, 2020
Accepted April 4, 2020

© N. A. PASTUSHKOVA

Наивысшего расцвета куртуазная литература в Испании достигает в XV в. Будучи явлением позднесредневековым и по времени далеко отстоящим от провансальской традиции, она тем не менее сумела создать как в теории, так и на практике (поэзия, небольшие поэмы, трактаты, сентиментальные повести) полноценный комплекс куртуазной доктрины.

Сочинение Альфонсо Мартинеса де Толедо, архипресвитера из Талаверы (1398–1468?)[1], «Корбачо, или Осуждение мирской любви» («Corbacho o Reprobacíon del amor mundano») датируется 1438 годом и традиционно причисляется к образцам дидактической прозы.

В единственной имеющейся рукописи (1466 г., оригинальной не сохранилось), хранящейся в библиотеке Эскориала, указано название, которое дал своему произведению сам автор. Он желал, чтобы его сочинение называлось «Arcipreste de Talavera» («Архипресвитер из Талаверы»): «Вместо названия пусть именуется по имени Архипресвитера из Талаверы, кто бы к ней ни обратился» (Sin bautismo[2] sea por nombre llamado Arcipreste de Talavera dondequiera que fuere llevado) [Martínez de Toledo 2011: 61]. Однако уже начиная с первых печатных изданий (1498) у трактата появился новый заголовок — «Corbacho» и даже подзаголовок — «Reprobacíon del amor mundano». Совершенно очевидно, что они не имеют никакого отношения к автору, а возникли благодаря издателям и интерпретаторам текста. Тем не менее понять и объяснить, откуда и почему появляются эти добавления, достаточно несложно. Первое из них, вероятно, связано с темой порицания и осуждения женщин и любви (в ее светском варианте), которая также представлена у Дж. Боккаччо в его «Вóроне» («Il Corbaccio», 1355). Сочинение итальянца пользовалось большой популярностью на Пиренейском полуострове в период зрелого Средневековья (существует даже его перевод на каталанский язык, выполненный Нарсисом Франком в 1397 г.)[3]. Вероятно, за схожесть антифеминистской проблематики, воскрешавшей в памяти испанского читателя сочинение великого итальянца, народная молва и окрестила этот текст «Корбачо». А подзаголовком «Reprobatione Amoris» текст обязан третьей главе сочинения Андрея Капеллана «De amore». Однако, на мой взгляд, поскольку итальянское *corbaccio* и испанское *corbacho* произносятся одинаково ([корбачо]), это сослужило дурную службу при переводе названия трактата на русский язык. Поскольку значение испанского слова совершенно иное — ‘бич, плеть’, то именно оно и стало

[1] М. де Толедо — испанский писатель, хронист, деятель церкви. Сведения о его жизни скупы, многие факты (в том числе дата рождения) восстанавливаются из его собственных произведений. Скорее всего, принадлежал к довольно знатному арагонскому роду (сведений о его родителях не сохранилось); похоже, рано связал свою жизнь с церковной деятельностью, так как уже в возрасте 17 лет (1415) согласно документам числился пребендарием Часовни короля Дона Санчо Толедского собора. Сумел сделать успешную церковную карьеру: в 1427 г. получил сан Архипресвитера Талаверы, к 1430 г. занимал еще ряд церковных должностей. В составе свиты кардинала Хуана де Касановы прожил два года в Риме (1430–1433), что, безусловно, позволило ему познакомиться с итальянской гуманистической средой. Вершиной его духовной карьеры стала должность королевского капеллана (1438) Хуана II. Умер в возрасте 70 лет и похоронен в Толедском соборе.

[2] Выражение *sin bautismo* дословно переводится как «без крещения», т. е. автор намеренно отказывается «окрестить свое дитя» и дать ему имя.

[3] Как пишет А. Фаринелли, это сочинение на народном языке было самым читаемым у этого автора в тот период испанской истории [Farinelli 1905: 401].

использоваться при переводе заглавия. Мне представляется, что это противоречит изначальному замыслу. В таком случае следует оставить транслитерированное написание «Корбачо» или вовсе отказаться от этого позднейшего обозначения и следовать рукописи.

Сочинение архипресвитера из Талаверы, безусловно, можно отнести и к так называемой обличительной литературе против женщин. С жанровой точки зрения оно более всего походит на средневековые трактаты, хотя внутри самого текста мы встречаем вполне традиционные и весьма универсальные для Средних веков обозначения *libro* ‘книга’, *obra* ‘сочинение, произведение’ или *compendio* ‘краткое сочинение’. При этом Мартинес де Толедо не забывает подчеркнуть, что пишет на романсе (т. е. на народном языке), что подразумевает более широкий читательский круг (аудиторией его сочинения многие исследователи видят в том числе придворную публику). Подобно многочисленным средневековым трактатам религиозного, философского или иного толка, Мартинес де Толедо в первую очередь видит своей задачей наставление и доказательство определенных идей, направленных против плотской любви и женщин. Как следствие, этот трактат тяготеет к риторической выстроенности, а нарративность явно не является самоцелью архипресвитера[4]. Однако для наглядности и убедительности автор прибегает к использованию exempla или приводит небольшие анекдотические истории сатирического характера, которые, в свою очередь, могут обладать собственным сюжетом и даже неким драматическим началом. В этом смысле Мартинес де Толедо следует за средневековой традицией ars praedicandi, где подобные вставки как раз и были призваны привнести поучение в забавной форме. Сухой тон доктринальной прозы оказывается перемежен и сплетен с живой разговорной речью, что делает это сочинение уникальным.

Книга, сочиненная Альфонсо Мартинесом де Толедо (Архипресвитером из Талаверы) в возрасте сорока лет, была закончена пятнадцатого марта в году тысяча четыреста тридцать восьмом от рождения Спасителя нашего, Иисуса Христа. Вместо названия пусть именуется по имени Архипресвитера из Талаверы, кто бы к ней ни обратился

Во имя Святой Троицы, Отца, Сына и Святого Духа, истинного Бога нашего триединого, Творца, распорядителя и созидателя всего и вся, без которого ничто не может быть ни хорошо сделано, ни сказано, ни начато, ни до середины доведено, ни окончено, а также во имя посредницы, заступницы и защитницы нашей, непорочной Девы Марии. Посему я, Альфонсо Мартинес де Толедо, бакалавр права, архипресвитер из Талаверы, духовник сеньора нашего, короля Кастилии дона Хуана[5] — да ниспошлет ему Господь долгие и благие лета — недостойный, замыслил написать краткое сочинение на романсе[6], дабы собрать воедино сведения,

[4] В частности, это отмечает М. Джерли в своем предисловии к изданию Мартинеса де Толедо [Martínez de Toledo 2011].

[5] Хуан II Кастильский (1405–1454) — король Кастилии и Леона, отец будущей королевы Изабеллы Кастильской. С 1438 по 1444 г. Мартинес де Толедо занимал должность королевского хрониста при его дворе.

[6] То есть на народном языке, а не на латыни.

полезные для тех, кто пожелает прочесть его, а после сохранить, и назвать произведением, и в особенности для тех, кто еще не познал мир, не испил его горькую чашу и не отведал его горьких яств; для тех же, кто познал и увидел, почувствовал и услышал, не пишу я, ибо им хватает их собственных познаний, чтобы защититься от вредных дел.

Сочинение мое делится на четыре части: в первой я буду говорить об осуждении безумной любви; во второй речь пойдет о свойствах порочных женщинах; в третьей части расскажу о мужских характерах (каковы они, и какими добродетелями нужно обладать, чтобы любить или быть любимым); в заключительной, четвертой части, буду порицать всеобщее тяготение рассуждать о роке, судьбе, удаче, о знаках и планетах, которое осуждается святой матерью-Церковью и теми, кому Бог даровал разум, рассудок и природный ум, а также рациональное мышление, — а все потому, что некоторые пытаются сказать, что если они, любя, впадают в грех, то это происходит от влияния судьбы или рока.

Поэтому я, ведомый вышесказанным, взял на вооружение известные высказывания одного парижского доктора по имени Хуан де Аусим[7], который столько написал о любви к Богу и об осуждении мирской любви к женщинам. И наш всемогущий Господь должен быть любим превыше всех мирских и преходящих дел, и не из-за страха перед вечными муками, что уготованы злодеям, а только из чистой любви и наслаждения Им, кто таков и столь благ, что достоин и заслуживает быть любим. Он так и повелел в первой своей заповеди Закона: «Возлюби Господа, создателя твоего и господина, больше всего на свете». То есть Бог повелел нам любить одного Его, а мирские и преходящие вещи оставить и забыть; поэтому, возлюбив Его по-настоящему, мы сможем обрести бесконечную славу во веки веков; если же забудем любовь к Нему и возлюбим и возжелаем мирские радости, покинув вечного господина и создателя ради смертного существа и рабы его, то, без всякого сомнения, будем подвержены нескончаемым пыткам и мучениям.

Горе тому несчастному, который, следуя за желаниями своей воли, к тому же быстро проходящими, потеряет вечную славу рая, что пребудет вовек. Если бы такой мужчина или женщина смогли прочувствовать, что значит вечно, или навсегда, или на веки вечные быть обреченным в ином мире на славу или страдания; если хотя бы на час в день они предались сему размышлению, то сомневаюсь, что содеяли бы зло. Но поскольку в нынешние времена сердца людей все чаще склоняются ко злу — и ждут наказания, а оно непременно последует, — чем к добру и ожиданию славы и блага, чтобы без усилия, поступая хорошо, достичь ее, посему было бы делом полезным и праведным привести надлежащее средство против тех дел, что являются чаще всего причиной наших бед. И в наше время грехи людей множатся с каждым днем, а дурной образ жизни не исправляется в надежде на милосердное прощение, не опасаясь справедливого суда. А так как наиболее частым из грехов является неумеренная любовь, и особенно женская, то из-за нее случается множество ссор, убийств, смертей, скандалов, войн и краж и, что того хуже, гибель людей, и более того, гибель душ из-за отвратительного телесного греха, сопровождающего беспорядочную любовь. Таким образом, столь низко пал наш

[7] Исследователи до сих пор не могут установить, кого имеет в виду Мартинес де Толедо. В рукописи это имя выглядит как *Juan de Ausim*, в печатном издании 1498 г. осталось лишь *Johan*, а начиная с издания 1500 г. фигурирует некий *Juan Gerçon*. При этом «известные высказывания», о которых упоминает автор, отсылают к Андрею Капеллану и его «De amore». Вероятно, в таком случае речь идет об ошибке в рукописи. Подробнее об этом см.: [Del Piero 1960].

мир, что и совсем юнец, и дряхлый старик пылают безумной любовью к женщине. То же и девица, что пользуется дурной славой не по возрасту, и старуха одной ногой в могиле, достойная быть сожженной при жизни, ныне и первые и вторые разбираются в любовных делах и, что еще хуже, воплощают знания в жизнь. Так что любому человеку понятно, что мир испортился: прежде мужчина двадцати пяти лет смутно представлял, что такое любовь, то же и девушка в двадцать лет. Теперь же и не сказать, что он повидал, стыдно было бы рассказать. А потому очень похоже, что конец света уже совсем близко. И, кроме того, этот грех не соблюдает ни фуэрос[8], ни законов, ни дружбы, ни родственных, ни приятельских связей; все ведет к костру и ко злу. Возьмем хотя бы брачные узы: сколько в действительности распадается сегодня семей от этого греха, пусть и не по закону? Полюбив другую, муж бросает свою собственную жену. Поэтому, видя столько зла и вреда, взялся я написать и рассказать об этих вещах, закрепив на практике то, что и так уже существует, как вы еще услышите, и взяв ряд высказываний, как я уже говорил, из того парижского доктора, который в своем кратком сочинении подверг осуждению любовь, и изложил это для одного своего друга, молодого мужчины, предававшегося этому чувству без меры, когда узнал, что тот мучается и страдает от любви к своей сеньоре, чье истинное имя должно быть жестокая врагиня или мучения жизни. И начал он увещевать друга, объясняя ему первым делом, что только любовь к Богу является истинной любовью, а любая другая любовь — это насмешка, тщеславие и издевательство; кроме того, он смог показать на основе имеющегося у него опыта и естественных доводов, могущих стать известными всем, кто захочет прочесть и понять их, и которые каждый сегодня может видеть ежедневно: речь о дурных женщинах, их изъянах, пороках и недостатках, а также о том, что они собой представляют, каковы они и сколько их есть.

На этом автор замолкает, потому что нет им числа, ни счета, ни описать их; тот, кто каждый день станет говорить с женщинами, увидит в них неожиданное, новое и прежде невиданное и неизвестное. То же самое можно сказать и о плохих, развратных и проклятых мужчинах, достойных адского пламени уже лишь за их порочную любовь к женщинам, безумную и безрассудную, похожую больше на звериную похоть, чем на любовь. Я открыто заявляю: если что и сказано должным образом в этой книжице[9] и может быть воспринято как полезная наука (*doctrina*), так это служение Тому, Кому мы обязаны истинной любовью, и никому другому. Однако если здесь будет что-то сказано или написано о пороках и дурном образе жизни, что ныне в ходу у ряда мужчин и женщин, пусть это не будет воспринято как злословие, порицание, бесчестие, а будет отнесено лишь к тем, кто был замечен в сих пороках и низостях и придерживается их; достойным же мужчинам и женщинам возносится хвала и дается одобрение; ведь не познав зла, не познаешь и добра[10]. Порицание дурного есть восхваление доброго; а посему я считаю, что тот, кто свое время и дни тратит на безумную любовь, тот теряет сущность, личность, честь и доброе имя. Тот, кто сумеет от сей лживой и сомнительной любви воздержаться и найти для этого в себе силы, достоин уважения; тот же, кто не

[8] Фуэрос — свод законов общего характера, относящихся ко всем подданным королевства.

[9] В оригинале использовано слово *compendio*, по аналогии со схоластическими сочинениями.

[10] Испанская пословица «Que si el mal no fuese sentido el bien no sería conocido». Для того чтобы получить представление о существовании добра, необходимо знать и о зле и его проявлениях, только в сравнении возможно обретение истинного знания.

может, будь то из-за старости или бессилия, и оставляет любовные утехи, пусть не говорит, что он избегает любви, ибо это любовь обходит его стороной, ведь гораздо приятнее Господу тот, кто пребывает в силах для совершения греха, но воздерживается и не грешит, нежели тот, кто бы хотел согрешить, но не может. Поэтому некоторые мужчины и женщины, иногда чувствуя, что им не достает стойкости и сил противостоять желанию согрешить, говорят: «Господи, лиши меня желания, так как Ты лишил меня силы». Иначе бы они согрешили. Или, наоборот: «Господи, дай мне силу, поскольку Ты дал мне желание, по причине которого я согрешил».

Избегайте частых разговоров и тесного общения мужчины с женщиной и женщины с мужчиной, дабы не услышать слов непристойных, нескромных и низких, ведущих затем к дурным поступкам; избегайте бесед в неблаговидной, порочной и дурной компании, опустите очи, дабы они не смотрели на каждую встречную. Все это позволит избежать дурных поступков и избежать низкой любви, что губит душу и тело или губит плоть, а душу обрекает на вечные мученья.

Поэтому начну с главного: пристала только истинная любовь к Богу и ни к кому другому.

Часть I, глава XVII

О том, как ученые мужи теряют свои знания от любви

Еще одну причину приведу тебе, по которой любить тебе не советую, поскольку ученый муж или мудрец лишаются всех своих знаний, если бесчестной любви предаются. Сколь бы мудр или учен человек ни был, если он вовлекается в такое дело, как любовь и сладострастие, то впредь ему сложно проявлять умеренность и воздерживаться от похотливых действий. Вернее то, что, чем более учеными являются мужи, вовлекаемые в подобные действия, тем менее мудрыми они становятся и меньше умения проявляют в том, чтобы избавиться от этой напасти, чем простые невежды, как я уже говорил ранее. Кто не слышал о столь выдающемся муже, не знающим себе равных в мудрости, каким был Соломон? Кто более него проявил себя как идолопоклонник и совершил этот грех ради любви к своей возлюбленной? К тому же Аристотель — один из мудрейших и ученейших мужей — терпел кляп во рту и седло на спине, запряженный подобно ослу, а она, его полюбовница, оседлав его верхом, хлестала его плетью по бедрам[11]. Так кто же не откажется от любви, зная, что она превратила великого царя и повелителя в идолопоклонника и слугу, а из столь великого мудреца среди всех известных сделала необузданное животное, ходящее на четырех ногах, и все это из-за обычной женщины? Это следует взять на заметку лишь тем, кто влюблен, и достаточным будет для тех, кто разбирается в любви.

А разве не видели Вергилия[12], мужа хитроумного и большого знания, коему не было равных в магическом искусстве и науке, каких никогда не видывали и не встречали, как ты сможешь убедиться, услышав или прочитав о его поступ-

[11] Сюжет о любовных «похождениях» Аристотеля был широко распространен в Средневековье. Один из наиболее известных вариантов представлен во французской городской литературе, в жанре фаблио («Lai d'Aristote»). Для средневекового человека древнегреческий философ превратился в мудреца, подвергшегося осмеянию в результате женских проделок.

[12] В Средневековье (и вплоть до XVI в.) Вергилия воспринимали не только как автора «Энеиды» и прочей поэзии, но и как мага, мудреца, vir doctus, изобретателя чудесных предметов, астронома, алхимика и т. д. [Цивьян 2008].

ках, подвешенным в Риме к окну одной башни на виду у всего римского народа, и только лишь из-за того, что он говорил и упорствовал в том, что его знания столь велики, что ни одна женщина в мире не в силах его обмануть? И та, что его обманула, похвасталась наперекор самоуверенности сего мужа, что сможет обмануть его, и как и обещала на словах, осуществила на деле; ибо нет в мире зла, содеянного или еще не совершенного, которое было бы трудно совершить коварной женщине и претворить в жизнь[13]. Но хочу вступиться частично и за мужчин, ведь они обмануты не за свои знания: ведь если бы мужчина пожелал уберечься, то женщина не смогла бы его обмануть, хотя это и ставит под сомнение святой Августин. Мужчина же доверяется женщине и, доверяясь ей, хочет в то же время угодить ей, и он позволяет ей себя обмануть и одновременно победить себя, дабы угодить ей. И эти ошибки проистекают более от неупорядоченной воли (*voluntad desordenada*), нежели из-за отсутствия знаний.

Подобные примеры доставляют удовольствие женщинам и восславляют их за проделки, при помощи которых они в прошлом сумели обмануть самых мудрых из мужчин. Но мы не будем говорить об обманах, жертвами которых становились, становятся и будут становиться мужчины из-за своей безумной любви. Ведь упомянутый мной Вергилий не оставил без наказания женщину, но как следует отплатил своей полюбовнице, сделав так, что погасил в одночасье с помощью колдовства все огни в Риме, а разжечь огонь все пришли к ней. Огнем, разжигаемым одним, не мог воспользоваться другой, поэтому все пошли к ней зажечь огонь в ее постыдном месте, и каждый из них делал это лишь для одного себя в качестве мести за бесчестье, нанесенное столь мудрому мужу. Кроме того, ты должен знать, хотя полагаю, ты и так это хорошо знаешь, что царь Давид — мудрейший из мудрейших и Божий пророк, величайший из пророков — имел много жен и наложниц. Не насытив свой прихотливый аппетит теми, кто был в его власти, красавицами и теми, кого может иметь лишь государь, с нечестивыми намерениями и безудержным желанием он предался бесчестной любви с Вирсавией — женой Урии, своего рыцаря[14], столь влюбленного в нее[15]. Он видел, как она каждый день расчесывала волосы и прихорашивалась в саду у него на глазах. А она, будто чувствуя, что король ежедневно приходит посмотреть на нее туда, хотя и притворялась — делая вид, что якобы не знала и не чувствовала, что король наблюдал за ней и приходил полюбоваться ею, — но зная, что она желанна и вожделенна королем, приходила в то место каждый день, чтобы прихорашиваться и причесываться, демонстрируя свои волосы и груди и давая понять, что ни о чем не догадывается, подобно многим другим, которые привыкли так делать. И король, не удовлетворенный многочисленными [наложницами], коими обладал, захотел и возжелал одну-единственную жену Урии, которую тот любил, и предался с ней плотской страсти и совершил прелюбодеяние, как это называется в каноническом

[13] Вергилий стал еще одной фигурой обманутого мудреца в средневековой литературе. В большом количестве имели хождение забавные анекдоты о нем, в том числе о том, как юная дочь императора зло посмеялась над поэтом, а затем он ей отомстил. Например, этот эпизод был описан в «Книге благой любви» Хуана Руиса (XIV в.): «Читал я о том, как, влюбившись, кудесник Вергилий, / урон потерпел: его чувства поруганы были, / в корзине всю ночь он висел». См. об этом, например, ставшую классической работу [Comparetti 1896].

[14] Как и в большинстве средневековых текстов, авторы при описании исторических или иных персонажей и событий прошлого использовали привычные им социальные термины («сеньор», «вассал», «рыцарь» и т. п.).

[15] Сюжет восходит к 11-й главе II Книги Самуила. Он также упомянут у Андрея Капеллана и в «Книге благой любви» Х. Руиса.

праве, чего не случилось бы, если бы, увидев и почувствовав желание и зарождение любви короля, она перестала бы ходить расчесываться и прихорашиваться туда, где поджидал он ее. Это стало причиной потери чести и смерти ее мужа и смерти многих еще людей, которые затем пострадали от совершенного Давидом греха. И Господу было угодно, чтобы сын Давида Авессалом восстал против отца и прогнал его из Иерусалима, а сам с его наложницами на виду у всего народа предавался блуду. Видишь, причиной скольких зол стала жена Урии? Давид также был повинен в грехе. Если прочтешь историю дальше, то увидишь, сколько зла совершает дурная женщина, и эта практика продолжается и по сей день. И после совершения царем того греха с женой Урии зачал он с ней ребенка, который вскорости умер и заставил горько плакать Давида, однако король, не удовольствовавшись этим, распорядился погубить мужа возлюбленной, отправив его с письмами к полководцу[16] своих войн и сражений Иоаву, в которых велел поставить Урию в первые ряды, где он бы погиб среди самых смелых. А поскольку Урия был мужем достойным, настоящим мужчиной и очень отважным, то Давид понимал, что тому невозможно будет остаться в живых, совершая доблестные поступки с оружием в руках. Кроме того, ты должен понимать, что король не велел бы избавиться от Урии, если бы не причинил ему зла, отобрав у него жену и разлучив их. Но засомневался король, что, узнай Урия о таком злодействе, не расправится ли он жестоко со своей женой, оставив Давида страдать и сделав вдовцом своей любви; или в отчаянии он сможет по воле судьбы предать своего короля и господина. Тот, кто обманул чье-то доверие, не заслуживает, чтобы ему хранили верность; так и в этом случае, поскольку сеньор нарушил клятву, данную вассалу, то его вассал как его слуга может сделать то же самое, убив своего господина. Это все является следствием безумной и беспорядочной любви.

Более того, скажу тебе, что я видел в свое время множество мужчин и еще знаю женщин, которые наблюдали одного очень достойного мужа, из королевской семьи — практически второго человека после короля по власти в Арагоне и на Сицилии — по имени мосен[17] Бернард де Кабрера[18], который оказался в тюрьме по приказу короля и королевы за многие злодеяния, творимые им на Сицилии, и за вред, причиненный господину королю, поскольку захватил себе много замков и укрепленных объектов и не подчинился воле короля, за это и был схвачен. А для того чтобы унизить его и обесчестить, они заставили женщину, которую он любил, посоветовать ему, чтобы он бежал и вылез через окно в той башне, куда был заточен, чтобы возлежать с ней, а после этого чтобы он сбежал и скрылся из ее дома; и было это устроено по распоряжению короля, а та женщина с удовольствием все выполнила. Он, поверив той женщине, думая, что она его не обманет, доверился ей и взял веревку, отправленную ему ею. Стражник позволил всему случиться, дал подпилить замок у окна и открыть его. По наступлении ночи он [Бернард де Кабрера] выбрался в окно и начал спускаться по башне вниз. Посредине башни висела раскрытая сеть из толстого ковыля, которую в этой местности называли «хабега», с особыми приспособлениями. И когда он оказался в сети, то люди, находившиеся у окна, свернули ее и перерезали веревки. И так он остался висеть до вечера следующего дня без воды и еды, пока его не освободили. И весь

[16] В оригинале *príncipe* (князь, принц).

[17] Мосен (исп. *mosén*) — дворянский (а иногда и церковный) титул в старинном королевстве Арагон.

[18] Бернард де Кабрера (1289–1364), советник короля Педро Церемонного с 1347 г., впоследствии был им же обвинен в измене и приговорен к смертной казни.

городской люд, и жители окрестностей, его друзья и недруги, пришли посмотреть на него туда, где он висел в одной сорочке, подобно Вергилию. Теперь ты видишь, как лживая и капризная любовь заставляет пасть даже самых мудрых. Пусть каждый в таком случае поразмышляет, как ему следует себя вести, и задумается над сказанным в следующей пословице: «Когда увидишь, как бреют бороду твоему соседу, иди замачивай свою»[19].

Часть II, глава VII

О том, что женщина непослушна

Нет никакого сомнения в том, что женщина существо непослушное, ведь коли ты что-либо скажешь или велишь женщине, будь уверен, что она сделает все наоборот. Это непреложная истина. А посему верно высказывание мудрого Птолемея, который сказал о женщине так: «Если женщине велено что-то запретное, то она непременно это сделает»[20]. Но чтобы лучше тебе разъяснить это, приведу несколько примеров.

Жил в восточных землях, в королевстве Шотландия, в некоем городе под названием Салюстрия один мудрый человек. И была у него очень красивая жена и из славного рода; и, возгордившись своей красотой — что есть грех, в который некоторые женщины впадают и поныне, — она совершила адюльтер, поскольку многие ее любили и желали, так что от вспыхнувшего огня обязательно должен был пойти дым. Этот добрый человек предчувствовал свою беду и, желая поступить разумно, не как большинство, что расшибают лоб об стену, выждал один день, затем десять и двадцать, дабы придумать, как быть с постигшем его несчастьем. Вот что он думал: «Если я ее убью, то погублю себя; на ее стороне две вещи: ее родственники станут преследовать меня, а также и правосудие, так как никто не должен мстить за себя, не имея на то права, законных свидетелей, коим можно верить и которые дали показания, письменно заверенные, и это возможно только перед лицом, отправляющим правосудие, — королем, губернатором, коррехидором[21] или рехидором[22], а так никому не дозволено ни мстить, ни наказывать другого человека. Исходя из этого, не имея доказательств, я не могу так поступить. Более того, родственники ее скажут, что я все выдумал, чтобы избавиться от нее и жениться на другой; в их лице я наживу врагов». Приняв во внимание все вышесказанное и оценив возможные беды и несчастья, к которым мог бы привести его поступок, он не пожелал ее убивать собственной рукой, дабы не погубить себя; он также не захотел добиться ее смерти при помощи правосудия, чтобы не быть опороченным. Он был мудрым человеком и прибегнул к вполне распространенной среди людей уловке, однако в глазах Господа это был наихудший вариант. Посему

[19] «Quando la barva de tu vezino vieres pelar, pon la tuya en remojo». Смысл пословицы таков: если ты обращаешь внимание на то, что происходит вокруг тебя (в том числе на плохое), то ты как бы предупрежден и у тебя есть возможность избежать беды, научившись на чужом опыте.

[20] Автор ошибочно приписывает это высказывание Птолемею. На самом деле оно встречается в трактате Овидия «О любви» («De amore»): «Все, что запретно, влечет; того, что не велено, жаждем» (III.4.17).

[21] Коррехидор — глава муниципального управления в Испании, наделенный одновременно административными и судебными функциями.

[22] Рехидор — представитель высшей административной власти на местах в тогдашней Испании.

он решил покончить с ней другим путем, который бы в глазах людей делал его невиновным, хотя не для Бога, ведь как я уже сказал, тот, кто является причиной зла и делает это осознанно, тот и является виновным. Более того, ему захотелось обставить все так, чтобы она сама выглядела виновницей своей смерти. Поэтому он взял готовый яд и добавил его в самое лучшее и ароматное вино, какое у него имелось, а его жене нравилось хорошее вино, затем налил его в стеклянный сосуд и сказал: «Если я поставлю этот сосуд туда, где она его увидит, даже если я велю ей: “Смотри не пробуй это”, она, будучи женщиной, наперекор моему запрету захочет сделать это и обязательно выпьет, от того и умрет». Сказано — сделано: этот добрый и мудрый человек взял сосуд и поставил его на окно, где бы она его непременно увидела. И тогда она сказала: «Что вы там ставите, муж мой?» Он ответил: «Жена, вот этот сосуд, но я велю тебе и прошу, чтобы ты ни в коем случае не пробовала того, что в нем; ведь если ты это сделаешь, то умрешь, как увещал некогда Господь Еву». И сказал он ей это в присутствии всех домочадцев, дабы они были свидетелями. Сделав это, он притворился, что уходит. И не успел он еще дойти до двери, как она тут же взяла сосуд и сказала: «Как же! Да прежде меня увидят сожженной на костре, нежели я не посмотрю, что там внутри!» Она понюхала сосуд и поняла, что это было весьма изысканное вино, и сказала: «Чтоб тебя! что за муженек, и что за удовольствие! И он мне еще говорил, чтобы я этого не пробовала? Да пошлет мне Господь дурную Пасху, если я не исправлю этот позор! Да не будет Господу угодно, чтобы он в одиночку пил это; ведь вкусные вещи достойны не только уст короля!» Она поднесла его ко рту и отпила немного и тотчас же упала замертво. Когда муж услышал крики, сказал про себя: «Готова женушка!» После этого он вбежал, рвя на себе бороду и причитая во весь голос: «Ах, я несчастный!» А про себя говорил: «Как поздно я придумал это!» И вслух: «Бедный, что же теперь со мною будет!» И про себя: «Что же не умирает изменница!» Он подошел к ней и тряс ее в надежде, что она очнется; но дни ее были сочтены. Смотрите, как женщина, не желая быть послушной, сделала то, что ей запретили, и погибла, как и многие другие по той же причине.

Другая женщина совершила нечто подобное: она дурно поступала со своим мужем; муж сказал себе: «Ну, подожди, я покончу с тобой». Он приказал соорудить сундук с тремя замками, а внутрь поместил заряженный стальной арбалет, и каждый раз, когда сундук будет открыт, открывшего его в грудь ранит стрела; и поместил он этот сундук у себя дома и сказал: «Жена, я прошу тебя не открывать этот сундук, а если ты ослушаешься и сделаешь это, то, как только его откроешь, тут же умрешь. Смотри, я наказываю тебе это и говорю в присутствии всех, кто здесь есть, и беру Господа в свидетели, ведь если ты не послушаешься, то пожалеешь; и более ничего не добавлю». Сказав это, он ушел и уехал за товаром. После того как он ушел, жена принялась думать: один день, и другой, десять ночей, да так, что голова шла кругом от мыслей и сердце билось в нетерпении, что не было уже мочи терпеть. В один прекрасный день она сказала: «Черт бы меня побрал, коли мой муженек положил в этот сундук что-то тайное, чего мне не должно видеть или знать; сколько ж замков он на него навесил и как просил, чтобы я не открывала его! Не на ту напал: даже если меня ждет дурная смерть, я его открою и увижу, что там внутри». Тогда она принялась открывать сундук, и когда она подняла крышку, вылетела стрела и вонзилась ей в грудь, и она упала замертво. Вот вам пример того, как женщина умирает, сгорает от нетерпения, если делает то, что ей запретили.

Другая женщина была очень упрямой, и ее упрямство делало жизнь мужа невыносимой. Однажды муж представил, как покончит с этим ее упрямством, и сказал: «Жена, завтра у нас будут гости к ужину. Накрой нам стол в саду на берегу реки под большой грушей, поскольку мы собираемся отведать закусок». Жена так и сделала: накрыла на стол, приготовила хороший ужин, и они сели ужинать. Когда принесли жареных кур, муж сказал: «Жена, подай-ка мне ножичек, что висит у тебя на поясе, а то мой совсем не режет». А жена ему ответила: «Ох, дружочек, да что это с вами? не видите, что это ножницы? Ножницы!» Муж ей в ответ: «В недобрый час ты нож ножницами называешь». Жена отвечает: «Друг мой, что с вами? Это ножницы, ножницы и есть!» Муж, видя, что жена упорствует и ее упрямство не знает границ, сказал: «Да избавит меня Господь от столь дурной жены: она и в час отдыха не оставляет меня в покое!» Тогда он толкнул ее и сбросил в реку. Она начала уходить под воду, но не оставила бы своего упрямства, пусть это и стоило бы ей жизни: умру, но не сдамся! Она подняла два пальца, вытащив руку из воды, показывая ими ножницы и давая понять, что то все же были ножницы, да так и ушла ко дну. Тогда гости сжалились над ней и пожалели, бросились бежать вниз по течению реки, чтобы спасти ее, а муж кричал им вслед: «Друзья, вернитесь, вернитесь! Куда же вы? Разве вы не видите, сколь она упряма, что своим упрямством одолеет реку и выплывет на поверхность против течения и воли реки?» И пока те возвращались вверх по реке, полагая, что он говорил правду, упрямица из-за своего несгибаемого упрямства, упрямствуя, плохо кончила.

Еще одна женщина шла со своим мужем по дороге на праздничные гулянья. Они расположились в тени тополя, и, пока они там отдыхали, прилетел дрозд и стал трещать. Тогда муж сказал: «Благословен тот, кто тебя создал! Видишь, жена, как трещит вон тот дрозд?» Она ему отвечает: «А вы разве не видите по перышкам и по маленькой головке, что это не дрозд, а самочка?» Муж в ответ: «Ох, безумная! Ты не видишь, что ли, по цветам на горле и длинному хвосту, что это самец?» Жена возразила: «А вы разве не слышите по звуку и движениям головы, что это самочка?» Муж и говорит: «Черт бы тебя побрал, упрямица, да ведь это дрозд!» — «Богом клянусь и моей душой, муж, это — самочка». Тогда муж и говорит: «Наверное, сам черт принес сюда этого дрозда!» А жена ему в ответ: «Клянусь святой Девой Марией, что это самочка!» Тогда муж, разозлившись, схватил палку для понукания осла и сломал жене руку. И вместо того, чтобы идти поклониться и помолиться Деве Марии о ребенке, которого хотели иметь, пришлось им идти к святому Антонию[23] в другую часовню, просить, чтобы Господь послал здоровья глупой жене, пострадавшей из-за своего упрямства.

Похожих примеров можно было бы привести еще великое множество, но поскольку подобное упрямство случается ежедневно, то и не стоит более о нем писать. В заключение говорю, что женщины — существа упрямые и непослушные, вечно хотят все делать и говорить наперекор, как это видно на деле.

Перевод с испанского и примечания ***Н. А. Пастушковой***

[23] Св. Антоний, или Антоний Великий (ок. 251–356) — раннехристианский подвижник, основатель пустынножительства, у католиков считается покровителем домашних животных.

Источники

Martínez de Toledo 2011 — *Martínez de Toledo A.* Arcipreste de Talavera o Corbacho / Ed. de M. Gerli. 6ª ed. Madrid: Cátedra, 2011.

Литература

Цивьян 2008 — *Цивьян Т. В.* Вергилианский миф в Средневековье // Цивьян Т. В. Язык: тема и вариации: Избранное. Кн. 2. М.: Наука, 2008. С. 63–65.

Comparetti 1896 — *Comparetti D*. Virgilio nel Medio Evo. 2. ed. riveduta dall' autore. 2 vols. Firenze: Seeber, 1896.

Del Piero 1960 — *Del Piero R. A*. El "Arcipreste de Talavera" y Juan de Ausim // Bulletin Hispanique. T. 62. No. 2. 1960. P. 125–135.

Farinelli 1905 — *Farinelli A*. Note sulla fortuna del "Corbaccio" nella Spagna medievale // Bausteine zur romanischen Philologie: Festgabe für Adolfo Mussafia. Zum 15. Februar 1905. Halle a. d. S.: Verlag von Max Niemeyer, 1905. P. 401–460.

References

Comparetti, D. (1896). *Virgilio nel Medio Evo* (2nd rev. ed., 2 Vols). Firenze: Seeber. (In Italian).

Del Piero, R. A. (1960). El "Arcipreste de Talavera" y Juan de Ausim. *Bulletin Hispanique, 62*(2), 125–135. (In Spanish).

Farinelli, A. (1905). Note sulla fortuna del "Corbaccio" nella Spagna medievale. In *Bausteine zur romanischen Philologie: Festgabe für Adolfo Mussafia. Zum 15. Februar 1905*, 401–460. Halle a. d. S.: Verlag von Max Niemeyer. (In Italian).

Tsiv'ian, T. V. (2008). Vergilianskii mif v Srednevekov'e [Myth about Virgil in the Middle Ages]. In T. V. Tsiv'ian. *Iazyk: tema i variatsii: Izbrannoe* [Language: Theme and variations: Selected works] (Vol. 2), 63–65. Moscow: Nauka. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Наталья Александровна Пастушкова
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник,
Лаборатория историко-литературных исследований,
Школа актуальных гуманитарных исследований,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва,
пр-т Вернадского, 82
Тел: +7 (499) 956–96–47
✉ *past_nat@yahoo.com*

Information about the author

Natalia A. Pastushkova
Cand. Sci. (Philology)
Senior Researcher,
Center for Studies in History and Literature,
School for Advanced Studies in the Humanities,
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956–96–47
✉ *past_nat@yahoo.com*